

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ

Анатолий Клепов

Анатолий Клепов

Философия войны

<https://litres.ru/74065528>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он учил других убивать. Американский "морской котик" Пол

профессионал. Солдат. Инструктор высшей категории.

Он поставлял оружие. Он передавал знания. Он называл это работой.

В Москве нашёл любовь. Осетинская художница. Сын с её глазами и его улыбкой. Горы, которые пахнут миром.

Август 2008 года.

Война пришла не к абстрактным людям. Война пришла к его самым близким людям.

Врачи не долго не могли определить болезнь Пола. Здоровый мужчина почти мгновенно состарился на несколько десятков лет.

Кома. Седина за одну ночь.

Это редчайший медицинский диагноз.

Это счёт, который ему выставила война.

Войны всегда где-то далеко — пока однажды они не приходят домой.

Ничто в этом мире не происходит безнаказанно. Никогда.

Роман о цене, которую платит каждый. Рано или поздно.

Содержание

ГЛАВА 1. АДСКАЯ НЕДЕЛЯ	6
ГЛАВА 2. ОХОТА НА КОРАБЛЬ С ОРУЖИЕМ	38
ГЛАВА 3. ПРЕДАТЕЛЬСТВО В ЮГО- ВОСТОЧНОЙ АЗИИ	68
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Анатолий Клепов

Философия войны

Настоящее произведение является **исключительно художественным вымыслом**.

Все персонажи, имена, характеры, организации, места действия, события и инциденты, описанные в данном произведении, либо являются **продуктом воображения автора**, либо использованы в художественном контексте. Любое сходство с реальными лицами — живыми или умершими — реальными организациями, реальными местами или реальными событиями является **исключительно случайным совпадением** и не является намеренным.

1. В отношении имён и персонажей

Имена персонажей выбраны автором произвольно в художественных целях. Совпадение имён, фамилий, должностей или иных характеристик персонажей с реальными лицами является случайным и не подразумевает изображения, описания или характеристики каких-либо реальных людей.

2. В отношении организаций и учреждений

Любые упоминания организаций, государственных структур, военных подразделений или иных институтов в данном произведении использованы исключительно в художественных целях и не претендуют на точное описание реально су-

ществующих или существовавших организаций, их деятельности, политики или сотрудников.

3. В отношении событий

Все описанные события являются художественным вымыслом. Автор не утверждает достоверность описанных событий и не претендует на документальность произведения.

4. В отношении географических названий

Реальные географические названия, упомянутые в произведении, использованы исключительно для создания художественного контекста и не подразумевают изображения реальных событий, происходивших в указанных местах.

ГЛАВА 1. АДСКАЯ НЕДЕЛЯ

Пол Винстон проснулся в четыре утра — не от будильника, не от шума за стенкой барака, а от тишины. Именно она разбудила его: плотная, почти осязаемая тишина октябрьского берега, в которой не было ничего, кроме далёкого шума прибоя и его собственного дыхания. Он лежал на жёсткой койке, смотрел в потолок и понимал, что больше не заснёт. Тело ещё не болело — это придёт позже, — но уже было напряжено, как пружина, сжатая до последнего витка. Ждало. Знало, что ждать осталось недолго.

Сегодня начиналась «Адская неделя».

Он знал об этом давно. С того самого дня, когда впервые переступил порог базы «Коронадо». Знал теоретически: пять с половиной суток без сна, физические нагрузки на пределе возможностей, холод, грязь, вода, снова холод. Знал, что из каждого набора отсеивается больше половины. Знал цифры, факты, статистику. Слышал рассказы тех, кто прошёл, и тех, кто не прошёл. Читал отчёты, изучал методики, разбирал чужие ошибки с той дотошностью, которая отличала его с детства. Но всё это было знанием головы, холодным, аккуратным, разложенным по полочкам, как инструменты в ящике. А сейчас, в четыре утра, в темноте барака, это знание спустилось ниже — в грудь, в живот — и стало чем-то

совсем другим. Чем-то живым и неудобным.

Пол повернулся на бок. С соседней койки доносилось ровное дыхание Хэнка Моррисона — его напарника, друга, человека, с которым они прошли достаточно, чтобы знать друг о друге то, что обычно не говорят вслух. Хэнк спал. Или делал вид, что спит — в темноте не разберёшь. Пол не стал проверять. Каждый имеет право натишину перед тем, что начнётся утром.

Он встал тихо, оделся в темноте, стараясь не греметь ботинками о металлическую спинку кровати, и вышел наружу.

Берег встретил его холодом и запахом соли. Октябрьское небо над Коронадо было чёрным, без звёзд. Плотные облака затянули его от горизонта до горизонта, как накидка, брошенная поверх. Где-то там, за темнотой, был океан. Пол слышал его. Ровный, низкий гул, который никогда не прекращался и который стал таким привычным за несколько месяцев, что замечаешь его только в полной тишине. Как сердцебиение. Как дыхание чего-то огромного и равнодушного, чему нет дела до человеческих планов и человеческих страхов.

Он достал из кармана фотографию. Потрёпанную, с загнутыми углами — носил её с собой с того дня, как уехал из дома. Отец смотрел с неё прямо и спокойно, как умеют смотреть только люди, которые уже всё решили и больше не тратят сил на сомнения. Капитан Джеймс Винстон. Военно-морской флот США. Погиб при исполнении. Полу было тогда двенадцать лет, и он не сразу понял, что значит «при испол-

нении». Понял позже. Постепенно. По частям. Как понимают всё самое важное в жизни.

— Я здесь, — сказал Пол тихо. Не молитва, не разговор с мёртвым, просто слова, произнесённые вслух, потому что иногда нужно услышать собственный голос в темноте, чтобы убедиться, что ты ещё существуешь. — Я дошёл до этого места. Сегодня начинается главное. То, ради чего я сюда приехал.

Фотография не ответила. Ветер с океана ударил в лицо. Холодный, жёсткий, пахнущий водорослями и далёкой бурей. Пол постоял ещё минуту, глядя в темноту, слушая океан. Думал об отце. Не о том, каким он был, а о том, каким он хотел бы его видеть сейчас. Стоящим здесь. Не убежавшим. Готовым к тому, что придёт с рассветом. Потом спрятал фотографию обратно в карман, застегнул куртку до подбородка и пошёл к барaku. Времени на сантименты больше не было.

Подъём объявили в пять тридцать. Резкий, без предупреждения, как всегда. Сирена разрезала тишину как ножом. Топот, команды, хлопанье дверей. Пол уже был одет и сидел на краю койки. Хэнк вскочил с таким видом, будто его выдернули из глубокого сна, хотя по напряжению в чужих плечах Пол не сомневался, что тот тоже не спал. Просто лежал. Ждал. Как и все остальные.

— Готов? — спросил Пол.

— Нет, — честно ответил Хэнк, натягивая ботинки. —

Ты?

— Нет.

— Хорошо. Значит, нормально.

Они вышли на построение вместе.

На плацу уже стояли остальные. Восемнадцать человек, каждый со своим лицом и своей историей, каждый пришедший сюда по какой-то причине, которая казалась ему достаточной. Рядом с Хэнком и Полом встал Гарсия — Мигель Гарсия, невысокий, жилистый, родом из Техаса, из семьи, где военная служба передавалась от отца к сыну как единственный возможный и правильный путь. Гарсия улыбался. Всегда улыбался. Даже сейчас, в половину шестого утра, в начале «Адской недели», с лицом человека, которому нечего терять и есть что доказать. Пол не знал, была ли эта улыбка настоящей или просто маской, которую Гарсия надевал каждое утро вместе с формой. Но она помогала. Станным образом помогала.

Инструктор Крокофорд вышел перед строем. Среднего роста, сухой, с лицом, на котором время оставило не морщины, а порезы. Глубокие, чёткие линии человека, который видел многое и давно перестал удивляться. Он прошёлся вдоль шеренги медленно, не торопясь, глядя на каждого — не оценивая, а просто фиксируя. Это умение, видеть человека насквозь, без лишних слов и жестов, Пол замечал в нём с первого дня. Крокофорд не кричал без нужды, не унижал ради унижения, не играл в театр власти. Он просто делал своё де-

ло. Это было страшнее любого крика.

— Господа, — сказал он наконец. Голос ровный, без повышений, без нажима. — Сегодня начинается единственная неделя, которая имеет значение. Всё, что было до неё — разминка. Всё, что будет после — следствие. Из восемнадцати человек, стоящих передо мной, до конца дойдут не все. Может быть, половина. Может быть, меньше. Это не угроза. Это факт, который вы должны принять прямо сейчас, пока у вас ещё есть время подумать. Потому что потом думать будет некогда.

Пауза. Ветер прошёлся по плацу, поднял мелкую песчаную пыль.

— Единственное правило: не лги себе. Тело всегда говорит «стоп» раньше, чем надо. Это нормально. Но если что-то глубже тела говорит «стоп» — слушай внимательно. Иногда это правда. Позор не в том, чтобы уйти. Позор в том, чтобы врать себе или нам.

Он остановился. Обвёл строй взглядом. Медленно, слева направо, задерживаясь на каждом лице ровно столько, сколько нужно, чтобы человек почувствовал: его видят. Не как номер в списке, не как тело в строю — а как человека, который пришёл сюда с чем-то своим и сейчас стоит на краю чего-то большого.

— Вопросы есть?

Молчание.

— Хорошо. Бегом марш.

И они побежали. Каждый со своей причиной, каждый со своим страхом, каждый навстречу одному и тому же рассвету над холодным октябрьским берегом.

Они бежали уже сорок минут, когда небо над океаном начало светлеть. Не резко, не красиво, как на открытках, а медленно и неохотно, словно сам рассвет не хотел видеть того, что происходило на этом берегу. Серая полоса у горизонта становилась чуть светлее, чуть шире, и в этом холодном свете восемнадцать человек в мокрой форме выглядели именно так, как себя чувствовали — измотанными, продрогшими и злыми.

Пол бежал в середине группы. Ноги работали автоматически. Он давно перестал думать о беге как о действии, которое требует усилий. Просто переставлял ноги. Один, два. Один, два. Песок под ботинками был мокрым и тяжёлым, каждый шаг давался чуть дороже, чем на твёрдом покрытии. Лёгкие работали ровно. Это было хорошо. Пока лёгкие работают ровно — всё под контролем.

Рядом тяжело дышал Коннор Рейли — высокий рыжеволосый ирландец из Бостона, который в обычной жизни, по его собственным словам, никогда не бегал дальше, чем до ближайшего бара. Это была шутка, конечно. Рейли был хорошим бегуном, длинные ноги, хорошая механика, но сейчас он страдал. Видно было по тому, как он держал плечи, высоко, напряжённо, расходуя лишнюю энергию с каждым

шагом.

— Опустим плечи, — сказал Пол негромко, не поворачивая головы.

Рейли покосился на него.

— Что?

— Плечи. Опустим. Тратишь силы.

Короткая пауза. Потом Рейли выдохнул, и плечи его действительно опустились на сантиметр-два. Дыхание сразу стало чуть ровнее.

— Откуда знаешь?

— Отец говорил.

Больше не разговаривали. Разговоры отнимают воздух, а воздух сейчас был дороже любых слов.

Команда «стоп» прозвучала внезапно, как всегда у Крокофорда, без предупреждения, без обратного отсчёта. Просто «стоп» — и все встали. Они находились на участке берега, где полоса суши между водой и дюнами сужалась до двадцати метров. Волны облизывали песок в нескольких шагах от строя. Вода была серой, тяжёлой, октябрьской.

— В воду, — сказал Крокофорд. — Все. До пояса. Стоять.

Никто не переспросил. Никто не замешкался, по крайней мере, внешне. Восемнадцать человек вошли в воду. Пол шёл прямо, не замедляя шага, хотя каждый следующий метр давался всё тяжелее. Вода была настолько холодной, что первые секунды мозг просто отказывался это принимать. Не

больно — хуже. Тело получало сигналы, которые противоречили всему, что оно знало о выживании, и не знало, как на них реагировать.

Пол остановился, когда вода дошла до пояса. Стоял. Дышал. Считал секунды. Не вслух, внутри. Один. Два. Три. Это просто холод. Холод не убивает за тридцать секунд. Холод — это просто ощущение, а ощущение можно пережить.

Рядом стоял Хэнк. Лицо каменное, взгляд вперёд, на горизонт. Хэнк всегда так делал в трудные моменты: находил точку вдали и смотрел в неё, как будто там был ответ на вопрос, который сейчас задавал океан.

Гарсия стоял по другую сторону от Пола. Улыбка с его лица наконец исчезла. Не от страха, не от боли, а просто потому, что она больше не была нужна. Гарсия в воде был сосредоточен, собран, тих. Настоящий.

— Три минуты, — объявил Крокофорд с берега. Он стоял сухой, с руками за спиной, и наблюдал. — Считайте сами. Кто выйдет раньше — сдаёт снаряжение и идёт домой.

Три минуты в октябрьском океане по пояс в воде — это не то же самое, что три минуты в любом другом месте. Время здесь меняло свою природу. Первая минута была почти терпимой. Шок прошёл, тело начало адаптироваться, мозг переключился в режим выживания. Вторая минута была хуже. Ноги начали неметь снизу вверх, медленно и неотвратимо, как будто кто-то заливал их бетоном. Пол продолжал считать. Дышал медленно, глубоко, не давая панике получить

хоть какой-то зазор.

На третьей минуте один из восемнадцати вышел из воды.

Пол не повернул головы. Слышал только шаги по мокрому песку и тихий голос Крокофорда: «Снаряжение сдать, пройти к автобусу». Без осуждения. Без насмешки. Просто факт.

Семнадцать остались.

После воды снова был бег — и это было почти хорошо, потому что движение давало тепло. Тело оттаивало медленно, неприятно, с покалыванием в пальцах ног и ощущением, что кожа не своя. Но оттаивало. Это тоже было важно знать: тело умеет восстанавливаться. Если ему не мешать — восстановится.

Потом были бревна.

Каждому бревно весом около шестидесяти килограммов. Держать над головой. Не опускать. Бежать.

Пол взял своё бревно, поднял, почувствовал, как плечи приняли вес, и побежал. Бревно было мокрым, скользким, неудобным. Оно не хотело лежать ровно, постоянно норовило сдвинуться в сторону. Пол каждые несколько секунд делал микрокорректировки — чуть влево, чуть вправо, не давая весу распределиться неправильно.

Хэнк бежал рядом. Он был ниже Пола на несколько сантиметров, и его бревно лежало чуть под углом — левое плечо принимало больше нагрузки. Пол видел это.

— Выверни, — сказал он. — Левое плечо выше.

— Знаю, — сквозь зубы ответил Хэнк. — Работаю.

— Не работаешь. Выверни.

Хэнк вывернул. Дальше бежали молча.

Гарсия бежал в пяти метрах впереди — ровно, ритмично, без видимых усилий. Пол смотрел на него и думал, что у каждого человека есть своя стихия. Место, где он перестает бороться и просто существует в полную силу. Для Гарсии этим местом, похоже, была боль. Не в садистском смысле, а в том смысле, что боль его не пугала, не ломала, не меняла. Она просто была частью пейзажа.

В восемь утра их накормили. Двадцать минут на еду. Быстро, молча, жадно. Еда была простой: каша, хлеб, горячий кофе в бумажных стаканах. Пол ел механически, не чувствуя вкуса. Тело требовало калорий, и он давал ему калории, как топливо в машину, без эмоций.

Рейли сел рядом и некоторое время молча жевал. Потом сказал:

— Сколько нас останется к концу, как думаешь?

— Столько, сколько нужно, — ответил Пол.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который имеет смысл. Всё остальное — гадание.

Рейли подумал. Кивнул. Продолжил есть.

За соседним столом Гарсия и Хэнк разговаривали вполголоса о чём-то своём. Пол не прислушивался. Он смотрел в

окно на берег, на серое небо, на полосу прибоя, которая не прекращалась ни на секунду. Думал о первых трёх часах. О воде. О бревне. О том, что это было только начало, и самое интересное впереди. Где-то внутри было что-то похожее на спокойствие. Не уверенность, до уверенности было далеко. Просто спокойствие. Ровное, устойчивое, как тот самый гул океана за окном.

Двадцать минут закончились.

— Подъём, — сказал Крокофорд. — Вода ждёт.

Семнадцать человек встали.

К вечеру первых суток их осталось четырнадцать.

Трое ушли днём. Не одновременно, не драматично. Просто в какой-то момент каждый из них остановился, снял снаряжение и сказал слово, которое здесь означало конец: «Сдаюсь». Первым был Ковальски. Широкоплечий парень из Чикаго, который на тренировках выглядел одним из самых сильных. Он вышел из строя после третьего заплыва в холодной воде, молча, без объяснений, с таким лицом, будто принял решение давно и просто ждал подходящего момента его озвучить. Двое других ушли позже. Один — после бревён, другой — после пятикилометрового заплыва в полном снаряжении. Пол не запомнил их имён. Просто мозг в состоянии крайней усталости начинает экономить ресурсы, отбрасывая всё, что не является необходимым для выживания прямо сейчас.

Ночь пришла быстро. Осенний день на калифорнийском берегу короткий. Темнота наступала не постепенно, а как будто кто-то повернул выключатель. Только что было серое небо и серая вода, и вот уже не видно ничего дальше вытянутой руки. Прожектора на базе давали немного света ровно столько, чтобы видеть, куда ставишь ногу, и не больше.

Крокофорд объявил ночную программу без предисловий.

— Марш-бросок. Двадцать километров. Снаряжение полное. Время — четыре часа. Кто не укладывается — разговор отдельный.

Двадцать километров за четыре часа в полном снаряжении после пятнадцати часов непрерывных нагрузок. Пол пересчитал это в уме быстро. Пять километров в час, темп небыстрый, но с тем, что уже накопилось в мышцах и суставах, каждый километр будет стоить вдвое дороже обычного.

Они вышли в темноту.

Первые пять километров Пол прошёл в режиме, который давно выработал для себя — он называл его про себя «нейтралью». Не быстро, не медленно. Ровный темп, ровное дыхание, минимум лишних движений. Тело работало, мозг отдыхал настолько, насколько это вообще было возможно в данных обстоятельствах. Рядом шёл Хэнк, чуть позади — Гарсия. Рейли держался в метре справа, периодически спотыкаясь на неровном песке и каждый раз тихо чертыхаясь по-ирландски. Коротко, почти нежно, как будто ругался с

давним знакомым.

На шестом километре начался подъём — пологий, но длинный, через дюны, где каждый шаг проваливался в мягкий песок и нога уходила вниз на несколько сантиметров, прежде чем находила опору. Это был самый изматывающий тип поверхности. Не крутой подъём, который проходишь быстро и забываешь, а долгий, вязкий, постепенно выжимающий силы, как вода из губки.

— Думай о чём-нибудь другом, — сказал Хэнк, не оборачиваясь.

— О чём? — спросил Пол.

— Не знаю. О доме. О еде. О чём угодно.

— Я думаю о песке.

— Это плохая идея.

— Согласен.

Они замолчали и продолжили подниматься.

Пол попробовал думать о доме. Получалось плохо. Дом казался далёким и ненастоящим, как декорация из старого фильма. Кухня с жёлтыми занавесками. Мать за столом с чашкой чая. Запах хвои от сосны, которая росла у крыльца. Всё это существовало в другом измерении. Там, где не было ночного песка, полного снаряжения и четырнадцати километров впереди.

Он переключился на отца.

Отец был другим. Отец был здесь, в каком-то смысле. Не как воспоминание, а как присутствие. Пол не был мистиком

и не верил в загробную жизнь в том виде, в котором о ней говорят в церкви. Но он верил в то, что человек, который жил определённым образом, оставляет после себя что-то большее, чем просто память. Что-то вроде маршрута, отметки на карте, по которым можно идти, даже не зная, что именно ждёт в конце.

Отец прошёл через это. Стоял на этом же берегу, шёл по этому же песку, нёс снаряжение в темноте. И дошёл. Эта мысль была простой и конкретной, и именно поэтому работала лучше любой абстрактной мотивации.

На десятом километре упал Рейли.

Не споткнулся. Именно упал. Всем телом, без предупреждения, как подрубленное дерево. Пол услышал звук сзади и обернулся. Рейли лежал на боку в песке, снаряжение съехало набок, дыхание частое, поверхностное.

Пол вернулся. Опустился рядом.

— Коннор. Смотри на меня.

Рейли поднял взгляд. Глаза осознанные, не стеклянные. Это хорошо.

— Нога, — сказал Рейли. — Левая. Что-то с лодыжкой.

— Можешь встать?

— Не знаю.

— Пробуй.

Рейли попробовал. Встал медленно, с усилием, перенося вес на правую ногу. Левую ставил осторожно, проверял. По-

морщился, но не отдёргнул.

— Ушиб, — сказал Пол, наблюдая за тем, как тот нагружает ногу. — Не перелом. Если бы перелом — ты бы уже не стоял.

— Ты врач?

— Нет. Но у меня был такой же ушиб два года назад. Болит сильно, идти можно.

— Замечательно, — сказал Рейли без всякого выражения.

— Иди рядом со мной. Если станет хуже — скажешь.

Рейли не ответил. Просто поправил снаряжение и пошёл. Пол шёл рядом, чуть левее, не вплотную, но достаточно близко, чтобы при необходимости успеть среагировать. Хэнк и Гарсия не останавливались, шли вперёд, держа темп. Это было правильно. Сентиментальность здесь была роскошью, которую никто не мог себе позволить.

Пятнадцатый километр был самым тяжёлым.

Не физически. Хотя физически тоже было тяжело. Тяжёлым он был потому, что именно здесь, в середине ночи, в середине дистанции, мозг начинал задавать вопрос, который он задаёт всегда в самый неподходящий момент: зачем?

Зачем ты здесь? Зачем это? Что ты доказываешь и кому? Отец мёртв. Он не увидит и не оценит. Мать дома. Она волнуется и не понимает.

Не понимает.

Что-то поднялось из-под усталости. Само, без разреше-

ния. Не мысль. Не решение. Просто запах. Кофе и жёлтые занавески. Октябрь. Пять утра.

То утро.

Он проснулся сам, без будильника. Сумка стояла у двери. Собрана с вечера, всё проверено дважды. На кухне горел свет.

Мать стояла у плиты. Уже одетая, хотя идти ей было некуда. Налила кофе, поставила перед ним чашку, села напротив. Не говорила ничего. Просто смотрела так, как смотрят на что-то, что скоро уйдёт и неизвестно когда вернётся.

Пол пил кофе. За окном было темно и тихо. Жёлтые занавески не двигались.

— Ты боишься? — спросила она наконец.

Он подумал. Честно подумал, прежде чем ответить.

— Нет. Не боюсь.

Она кивнула. Медленно, как будто проверяла его ответ на вес.

— Я боюсь, — сказала она просто. — Но это моё. Не твоё.

Он посмотрел на неё.

— Ты похож на него, — сказала она. — Не лицом. Вот этим. — Она показала на его руки, которые лежали на столе спокойно, без движения. — Он тоже так сидел, когда уже всё решил. Руки спокойные. Всё остальное — потом.

Пол не ответил. Не нужно было.

Она встала. Подошла к окну, поправила занавеску, хотя та висела ровно. Просто нужно было что-то сделать руками.

— Я не понимаю, зачем это, — сказала она, не оборачиваясь. — Не понимаю, что там доказывается и кому. Наверное, не должна понимать.

Пауза.

— Но я знаю, что ты дойдёшь.

Он встал. Взял сумку. Она обернулась — и в её лице не было ни слёз, ни просьбы остаться. Только что-то тихое и твёрдое одновременно.

— Иди, Пол.

Он шёл.

Мир не изменится от того, дойдёшь ты до финиша этого марша или нет. Ты устал. Ты мокрый. Тебе холодно. Можно остановиться. Можно сказать одно слово и через двадцать минут сидеть в тёплом автобусе.

Пол знал этот голос. Слышал его раньше. На других дистанциях, в других обстоятельствах. Знал, что он не исчезнет, если с ним спорить. Спор только давал ему силу. Единственный способ — не отвечать. Услышать, зафиксировать и пройти мимо, как мимо человека на улице, с которым не хочешь разговаривать.

Он прошёл мимо.

Шестнадцатый километр. Семнадцатый. Восемнадцатый.

На девятнадцатом километре Гарсия неожиданно запел. Негромко, почти про себя, что-то на испанском, медленное и ритмичное. Пол не знал слов. Не важно. Ритм был правильным. Он ложился в шаг, как метроном, и следующие

несколько сотен метров группа шла под эту негромкую песню, и это было лучше любых слов поддержки, лучше любого инструктажа.

Двадцатый километр они прошли за три часа пятьдесят две минуты.

Крокофорд стоял у финишной отметки. Посмотрел на часы. Ничего не сказал. Только кивнул, коротко и почти незаметно. Но Пол видел этот кивок. И знал, что он значит.

Четырнадцать человек остановились у финиша. Четырнадцать из восемнадцати. Дышали тяжело, стояли криво, снаряжение на некоторых висело как попало. Но стояли.

— Два часа сна, — сказал Крокофорд. — Потом продолжаем.

Два часа. Пол лёг прямо там, где стоял, на песок, не снимая снаряжения. Закрыв глаза. Через тридцать секунд спал.

Два часа сна на мокром песке в полном снаряжении — это не отдых в обычном смысле слова. Это что-то другое. Тело отключается не постепенно, а сразу, как перегоревший предохранитель, и те несколько десятков минут, которые называются сном, на самом деле являются просто провалом в темноту. Без сновидений, без мыслей, без ощущения времени. Пол вынырнул из этого провала за несколько секунд до того, как Крокофорд скомандовал подъём, и первые две-три секунды просто лежал, глядя в ночное небо, пытаясь вспомнить, где он, кто он и что происходит. Потом всё встало на

место — резко, как щелчок, и он сел.

Небо над берегом было всё таким же чёрным. Ни звёзд, ни луны. Только плотные облака и далёкий свет прожекторов, отражающийся от воды.

— Подъём, — сказал Крокофорд. — Все встали.

Четырнадцать человек поднимались по-разному. Гарсия — сразу, одним движением, как будто и не спал вовсе. Хэнк — медленно, с усилием, морщась от боли в плечах, которую ночной марш добавил к уже накопившемуся. Рейли — с помощью рук, осторожно нагружая левую ногу, проверяя её так же, как проверяют лёд перед тем, как ступить. Лодыжка держала. Пол видел это по тому, как Рейли выпрямился, не облегчённо, а просто спокойно, констатируя факт.

— Следующий этап, — объявил Крокофорд. — Командные упражнения. Разбиться на пары. Быстро.

Пол и Хэнк переглянулись. Без слов. Это была пара с первого дня, ведь они давно научились работать вместе так, как работают две части одного механизма. Не всегда согласно, не всегда мирно, но всегда эффективно.

Гарсия встал рядом с Рейли. Коннор кивнул. Остальные распределились сами.

Командные упражнения начались с того, что каждая пара получила задачу: протащить надувную лодку весом около восьмидесяти килограммов через полосу препятствий длиной в два километра. Полоса шла вдоль берега, включала в себя участки глубокого песка, несколько деревянных барье-

ров высотой по грудь, канаву с водой и финальный участок по колено в прибое.

Простая задача. Если бы это был первый час тренировки.

Сейчас, на вторые сутки без сна, после ночного марша и всего предыдущего, это была совсем другая задача.

Пол взялся за левый борт лодки, Хэнк — за правый. Посмотрели друг на друга. Синхронизировались молча, как это бывает между людьми, которые давно работают вместе. Взяли. Пошли.

Первые двести метров были терпимы. Лодка была тяжёлой и неудобной. Не в смысле физического веса, а в смысле формы: она не хотела лежать ровно, постоянно норовила наклониться в ту или иную сторону, требуя постоянных микрокорректировок. Пол следил за балансом, Хэнк — за темпом. Хорошее разделение труда.

На третьем барьере всё изменилось.

Хэнк поднял свой край лодки через барьер, движение правильное, с нужным углом, и в этот момент что-то в его правом плече издало звук, который Пол услышал даже сквозь шум прибоя. Не хруст. Что-то тише и неприятнее. Хэнк не вскрикнул. Просто остановился на долю секунды, и это была единственная внешняя реакция.

— Хэнк, — сказал Пол тихо.

— Продолжаем, — ответил тот. Голос ровный. Слишком ровный.

— Что с плечом?

— Продолжаем.

Пол не стал спорить. Перехватил лодку так, чтобы взять чуть больше веса на свою сторону, незаметно, без комментариев. Хэнк это почувствовал, покосился, но промолчал. Принял. Это тоже было частью их языка: иногда помощь выглядит как то, что ты просто делаешь, не называя это помощью.

Они прошли остаток полосы препятствий. Медленнее, чем планировали. Но прошли.

После полосы был бассейн. Точнее, не бассейн, а то, что Крокофорд называл «водной секцией»: огороженный участок прибрежной воды, где глубина доходила до двух метров, а температура была такой же, как и везде в октябрьском океане, то есть совершенно негостеприимной.

— Переправа, — объявил Крокофорд. — Каждая пара — один плывёт, другой страхует с верёвкой. Потом меняетесь. Без жилетов.

Пол и Хэнк переглянулись снова. Плечо Хэнка было проблемой. Плыть с повреждённым плечом значило рисковать усугубить травму до степени, после которой продолжение станет невозможным не по воле, а по медицинским показаниям.

— Я плыву первым, — сказал Пол.

— По жребию, — возразил Хэнк.

— Нет. Я плыву первым, — повторил Пол, и в его голосе

было что-то, что не оставляло места для дискуссии. Не приказ. Просто факт, произнесённый тоном, который исключает возражения.

Хэнк помолчал секунду. Потом взял верёвку.

Пол вошёл в воду. Холод ударил знакомо. Уже не как шок, а как старый недруг, с которым давно знаком и которого не любишь, но уважаешь. Он поплыл ровно, экономно, не тратя сил на скорость. Двадцать метров туда, двадцать обратно. Тело слушалось, жаловалось, но слушалось.

Когда вышел, Хэнк уже стоял у воды, верёвка в руке.

— Твоя очередь, — сказал Пол.

— Плечо держит, — сказал Хэнк не Полу, а себе. Проверял вслух. Потом вошёл в воду.

Пол держал верёвку и смотрел, как Хэнк плывёт, следил за каждым гребком, за тем, как работает правое плечо. Оно работало. Хуже, чем левое, асимметрично, с явным напряжением, но работало. Хэнк добрался до отметки, повернул, вернулся. Вышел. Стоял, тяжело дыша, правой рукой осторожно придерживая плечо.

— Медик? — спросил Пол.

— Нет.

— Хэнк.

— Я сказал нет.

Пол не настаивал. Знал, что в этом «нет» нет упрямства ради упрямства. Хэнк понимал своё тело лучше, чем кто-либо. Если он говорил «нет» — значит, знал, что тянет.

К полудню вторых суток программа включала в себя ещё три смены — силовые упражнения в воде, ориентирование на местности с картой и компасом в условиях ограниченной видимости, и то, что инструкторы называли «стрессовым интервью» — это когда тебя ставят перед группой офицеров, которые задают вопросы быстро, перебивая, намеренно создавая давление, пока ты стоишь мокрый, замёрзший и не спавший больше сорока часов, и проверяют не то, что ты отвечаешь, а то, как держишь себя в момент, когда всё внутри кричит об усталости.

Пол прошёл интервью последним из четырнадцати.

Три офицера сидели за столом. Одного из них он видел впервые, двое других были знакомы по предыдущим неделям подготовки. Все трое смотрели на него с одинаковым выражением. Профессиональным. Именно это и было самым сложным: не злость, не давление, а просто равнодушие людей, которые видели здесь много и давно перестали делать скоропалительные выводы.

— Винстон, — сказал первый офицер. — Почему вы здесь?

Простой вопрос. Самый сложный вопрос.

— Я хочу служить, — ответил Пол.

— Этого недостаточно. Конкретнее.

— Мой отец служил. Капитан Джеймс Винстон. Он прошёл этот же отбор тридцать лет назад. Он погиб при испол-

нении, когда мне было двенадцать. Я здесь не для того, чтобы повторить его путь. Я здесь для того, чтобы продолжить то, что он начал.

Офицеры переглянулись.

— Это эмоциональная мотивация, — сказал второй. — Эмоциональная мотивация нестабильна. Что будет, когда эмоции закончатся?

— Они не закончились за сорок два часа, — сказал Пол спокойно. — Думаю, продержатся ещё немного.

Третий офицер почти улыбнулся.

— Свободен, — сказал первый.

Пол вышел.

Вечером второго дня ушёл ещё один. Не от усталости — от решения. Парень по имени Стивенс, тихий и аккуратный, из Орегона, просто подошёл к Крокофорду после ужина и сказал, что уходит. Без объяснений, без извинений. Крокофорд кивнул. Стивенс собрал вещи и ушёл.

Тринадцать.

Пол смотрел ему вслед и думал, не с осуждением, не с превосходством. Просто думал о том, что у каждого человека есть своя точка, в которой внутренний разговор заканчивается и начинается действие. И что никто снаружи не может знать, где эта точка находится у другого человека. Никто, кроме него самого.

Ночь опускалась на берег. Впереди была ещё третья ночь

и четвёртая, и пятая. Адская неделя была в самом разгаре, и конец её не был виден отсюда — ни физически, ни в каком-либо другом смысле.

Пол лёг на койку, закрыл глаза и подумал об отце.

Потом перестал думать и просто лежал. Пока темнота снова не взяла его к себе.

Пятый день начался с тишины.

Не той тишины, которая бывает ранним утром, когда мир ещё не проснулся и всё вокруг мягкое и спокойное. Это была другая тишина. Плотная, напряжённая, как воздух перед грозой. Тринадцать человек стояли на берегу в предрассветной темноте, и никто не разговаривал. Слова в этой точке стали просто лишним весом, который никто не хотел нести.

Пол стоял между Хэнком и Гарсией. Хэнк держал правое плечо чуть ниже левого. Компенсировал боль, которую за двое суток так и не признал вслух. Гарсия смотрел на воду. Рейли стоял в двух шагах сзади, и левая нога его больше не вызывала вопросов. Либо ушиб прошёл, либо он настолько научился его игнорировать, что разницы не было никакой.

Крокофорд вышел из темноты, как всегда, без предупреждения, без звука шагов, будто материализовался из воздуха. Остановился перед строем. Долго смотрел на них. Слева направо, медленно, каждому в глаза на секунду-две. Пол выдержал этот взгляд спокойно. Страх давно перестал быть чем-то, что нужно скрывать или побеждать. Он просто был.

Тихий, фоновый, как шум прибора. Часть пейзажа.

— Сегодня последний день, — сказал Крокофорд.

Никто не отреагировал внешне. Но Пол почувствовал, как что-то в строю едва заметно изменилось — не расслабление, нет. Скорее перефокусировка. Как будто тринадцать пар глаз одновременно навели резкость на одну точку.

— Не думайте, что это делает сегодня легче, — добавил Крокофорд. — Последний день самый сложный. Всегда. Потому что именно здесь ваш мозг начинает торговаться. Он говорит: ты уже почти дошёл, значит, можно чуть сбавить. Это ложь. Запомните это.

Он сделал паузу.

— В воду.

Утро пятого дня было жестоким с первых минут. Как будто программа, которую они проходили, знала, что время заканчивается, и решила выжать из оставшихся часов максимум. Холодная вода, бревна, бег по дюнам. Всё это было уже знакомым, но не делало это легче. Скорее наоборот: когда ты знаешь, что тебя ждёт, мозг начинает готовиться заранее, и усталость приходит раньше, чем начинается само испытание.

Пол работал методично. Он давно вышел за пределы того, что называл своим первым уровнем выносливости — того уровня, на котором тело жалуется и требует остановиться. Потом вышел за пределы второго уровня — где тело работает на износ. Сейчас он находился в третьем, для которого у

него не было названия. Там, где не было ни жалоб, ни тишины, ни мыслей о конце — просто движение. Один шаг. Ещё один. Вдох. Выдох. Это всё.

На втором часу утренней программы упал Гарсия.

Пол услышал это раньше, чем увидел. Звук тела, падающего на твёрдый мокрый песок, имеет свой особый тембр. Он обернулся. Гарсия лежал на спине, руки раскинуты, глаза открыты. Смотрел в небо.

Пол подошёл быстро, опустился рядом.

— Мигель.

— Живой, — сказал Гарсия. Голос слабее обычного, но ровный. — Нога подвернулась. Секунду.

— Не торопись.

— Я в порядке.

— Я вижу. Не торопись.

Гарсия лежал ещё несколько секунд. Смотрел в серое утреннее небо с выражением человека, который рассматривает что-то интересное. Потом, не говоря ни слова, начал подниматься. Пол помог, не много, не демонстративно, просто подал руку в нужный момент. Гарсия встал. Потоптался на месте, проверяя ногу. Кивнул.

— Идём.

Они пошли.

Крокофорд наблюдал за этим со стороны. Ничего не сказал.

Полдень пятого дня принёс то, чего никто не ожидал — не потому что это было неожиданным по содержанию, а потому что после пяти суток усталости способность ожидать что-либо практически атрофировалась.

Крокофорд собрал всех на площадке у главного здания базы. Тринадцать человек стояли в неровном строю. Мокрые, грязные, с синяками и ссадинами, с запавшими глазами и той особой прямотой осанки, которая появляется у людей не от гордости, а от того, что они просто разучились горбиться. Слишком много времени провели в состоянии, когда каждый сантиметр правильной механики имел значение.

Рядом с Крокофордом стоял человек, которого Пол видел раньше только на фотографиях. Командор Харрис — один из старших офицеров программы. Невысокий, плотный, с лицом, на котором пятьдесят лет оставили свои подписи аккуратно и без лишних слов.

Харрис оглядел строй. Долго. Без торопливости.

— Я видел много финалов, — сказал он наконец. Голос был негромким, но каким-то образом заполнял всё пространство вокруг. — Многих людей, которые доходили до этой точки. И многих, которые не доходили. Между теми и другими нет той разницы, которую вы, вероятно, себе представляете. Нет разницы в физической силе. Нет разницы в интеллекте. Разница только в одном. В том, что происходит внутри, в момент, когда всё внешнее перестаёт работать.

Он сделал паузу. Пол слушал не как лекцию, не как речь.

Как что-то, что этот человек говорил не для протокола, а потому что знал это изнутри и считал нужным передать.

— То, что вы сделали за эти пять дней — это не достижение. Это проверка. Вы узнали что-то о себе, чего не знали раньше. Это знание останется с вами, вне зависимости от того, что будет дальше.

Он замолчал. Посмотрел на Крокофорда.

Крокофорд кивнул.

— Программа завершена, — сказал он. — Все, кто стоит передо мной — прошли.

Тишина после этих слов была странной. Пол ждал чего-то, какой-то реакции внутри себя, которая должна была соответствовать моменту. Облегчения. Радости. Гордости. Чего угодно. Но внутри было тихо, не пусто, а именно тихо. Как после долгого шума, когда он наконец прекращается и остаётся просто пространство.

Рейли рядом выдохнул. Длинно, медленно, как человек, который держал воздух внутри несколько дней и только сейчас получил разрешение дышать нормально. Гарсия стоял неподвижно, с закрытыми глазами. Секунду, не больше. Потом открыл их. Хэнк повернулся к Полу и посмотрел на него тем взглядом, которым говорят: мы дошли.

Пол кивнул.

Этого было достаточно.

Потом был душ. Первый нормальный душ за пять дней, и горячая вода казалась почти неприличной роскошью. Потом еда. Настоящая, много, медленно. Потом они просто сидели. Тринадцать человек за длинным столом в столовой базы, и никто никуда не торопился, и разговор шёл сам по себе, негромко, без усилий, как вода, которая нашла свой путь.

Рейли рассказывал что-то смешное про свою бабушку в Бостоне, которая каждое воскресенье звонила ему и спрашивала, не бросил ли он уже эту глупость и не думает ли вернуться домой открыть пекарню. Гарсия смеялся. Не вежливо, а по-настоящему, запрокинув голову. Хэнк держал кружку с кофе обеими руками, грея ладони, и слушал с видом человека, которому сейчас просто хорошо. Без причины, без повода, просто хорошо, и этого достаточно.

Пол сидел и смотрел на них. Думал о том, что за последние пять дней эти люди стали ему ближе, чем многие из тех, кого он знал годами, ведь они видели друг друга в том состоянии, в котором человек не может притворяться. Когда всё лишнее уходит и остаётся только то, что есть на самом деле.

Это было ценно. По-настоящему ценно. Не как медаль, не как строчка в резюме. Как знание, которое теперь всегда будет с ним.

Вечером Пол вышел на берег один.

Солнце садилось. Первый раз за пять дней он видел его нормально, не через сетку усталости и не краем глаза. Оно

было обычным, некрасивым, осенним. Просто оранжевый диск, который опускался в серую воду без лишней театральности. Пол смотрел на него и думал об отце.

Думал о том, что отец стоял здесь, смотрел на этот океан. Может быть, на закате. Может быть, нет. Может быть, думал о чём-то важном. Может быть, просто стоял и дышал, как сейчас стоял и дышал его сын.

Пол не был сентиментальным человеком. Он не верил в знаки и не искал связей там, где их нет. Но сейчас, стоя на этом берегу после пяти дней, которые вытряхнули из него всё случайное и оставили только суть. Он почувствовал что-то простое и конкретное: он был здесь. Он дошёл. И этот факт был таким же реальным, как песок под ногами и холодный ветер с океана.

Этого было достаточно.

Больше ничего не требовалось.

Он постоял ещё несколько минут, глядя на то, как солнце касается горизонта. Потом повернулся и пошёл обратно. К свету столовых окон, к голосам людей за столом, к новой главе, которая начиналась завтра утром. К тому, что было впереди.

Океан остался за спиной. Шумный, равнодушный, вечный. Он не праздновал и не провожал. Просто продолжал делать то, что делал всегда. Накатывал на берег и отступал, накатывал и отступал, не зная усталости и не нуждаясь в финишной черте.

Пол шёл вперёд.

ГЛАВА 2. ОХОТА НА КОРАБЛЬ С ОРУЖИЕМ

Кабинет Ленстона пах кофе и мастикой для обуви.

Пол не любил этот запах. Он всегда напоминал ему о кабинетах, где решаются судьбы, но не войны. Где люди в хороших костюмах двигают фишки по карте, не зная, что фишки дышат, боятся и иногда не возвращаются.

Ленстон сидел за столом, разложив перед собой спутниковые снимки. Ему было под пятьдесят, но выглядел он на сорок. Поджарый, жилистый, с коротким ёжиком седых волос и глазами, которые видели слишком много, чтобы удивляться чему-то ещё.

— Винстон, — сказал он вместо приветствия. — Закрой дверь.

Пол закрыл. В кабинете стало тихо. Так тихо, что слышно было, как гудит старый кондиционер под потолком. Этот звук раздражал. Монотонный, настойчивый, как мысль, от которой не избавиться.

Ленстон подвинул к нему спутниковые снимки. На них был корабль средних размеров, похожий на рыболовецкое судно, но с антеннами и радарам, которых не бывает у мирных рыбаков. Корабль стоял на якоре в десяти милях от бе-

рега. Вокруг пустое море.

— Нелегальные торговцы оружием, — сказал Ленстон. — Южноамериканский канал. Корабль курсирует на границе международных вод, поэтому местные власти не могут его официально захватить.

— Агент внутри сети?

— Да. Очень ценный. Если местные начнут операцию — его спалят. Поэтому работать будем мы.

— Численность экипажа?

— Десять человек. Все прошли специальную подготовку в частных военных компаниях. Вооружены, опасны.

— Задача?

— По информации нашего агента, из США должен прилететь самолёт. Он приводнится рядом с кораблём, чтобы забрать деньги за поставку. Мы должны взять корабль до его прилёта. Захватить груз, экипаж и главное — системы шифрованной связи. Без них мы не сможем вскрыть всю сеть.

— Когда?

— Через три дня.

— Маловато, — сказал Пол.

Ленстон усмехнулся. Не весело, устало, как человек, который давно перестал объяснять очевидное.

— Это не ты решаешь, Винстон. Готовь людей.

Пол взял снимки, сложил аккуратно. Посмотрел на корабль ещё раз. Маленький серый прямоугольник среди серого моря. Издалека ничего особенного. Просто посудина.

Но посудины не убивают людей. Люди на них убивают.

— Всё, сэр?

— Всё, — сказал Ленстон. — Иди.

Пол не спал.

Сидел на койке, перебирал автомат, проверял каждый механизм. Не то чтобы он не доверял оружейникам — просто это был его ритуал. Когда собираешь оружие сам, знаешь: оно не подведёт. Руки делали своё дело: разбирали, проверяли, собирали, а голова была далеко.

В казарме стояла та особая ночная тишина, которая бывает только перед операцией. Кто-то спал. Кто-то ворочался. Кто-то шептал молитву — негромко, в подушку, будто стыдился. Пол не молился. Он думал об отце.

Ричард Винстон, полковник ВВС США, погиб, когда Полу было двенадцать. Инфаркт прямо на совещании в Пентагоне. Не в бою, не над Вьетнамом, не в горящем самолёте, а за столом, с бумагами в руках, среди людей в костюмах. Это казалось Полу несправедливым. Отец был солдатом. Он заслуживал другой смерти.

На тумбочке у кровати стояла его фотография. В форме, с нашивками, с орденом на груди. Пол смотрел на неё и думал: что бы ты сказал, отец? Одобрил бы? Или покачал головой и сказал: «Ты опять берёшь на себя слишком много»?

— Если сказал «да» — делай, — прошептал Пол. — Что бы ни случилось.

Отец повторял эти слова каждый раз, когда Пол сомневался. Сейчас они звучали в его голове не как заклинание, а как факт. Просто факт, с которым нечего делать, кроме как принять.

— Эй, Винстон.

Пол обернулся. Хэнк лежал на спине, закинув руки за голову. Смотрел в потолок.

— Ты чего не спишь?

— Думаю.

— Много думать вредно. Завтра операция.

— Я знаю.

Хэнк приподнялся, посмотрел на Пола долгим взглядом.

— Боишься?

— Нет.

— Врёшь, — сказал Хэнк просто, без осуждения.

Пол промолчал. Хэнк усмехнулся, бросил ему через койку пачку жевательной резинки.

— На. Жевать помогает.

Пол поймал, вытащил пластинку, сунул в рот. Помолчали.

— Спать, — сказал Хэнк. — Завтра тяжёлый день.

Он откинулся на подушку, и через минуту уже ровно дышал. Пол смотрел на него и думал: вот человек, который умеет выключаться. Как будто в голове у него есть рубильник. Щёлк — и темно. Щёлк — и снова день.

Пол так не умел.

Он положил автомат, лёг, закрыл глаза. Долго лежал в

темноте, слушая дыхание казармы. Потом, незаметно для себя, уснул.

Он проснулся за час до подъёма. Лежал, глядя в потолок, и вспоминал.

Отец сидел на крыльце их старого дома в Огайо, чистил ружьё. Полу тогда было лет десять. Он подошёл, сел рядом. Долго молчал, потом спросил:

— Пап, а ты убивал кого-нибудь?

Отец посмотрел на него долгим взглядом. Не удивился. Не рассердился. Просто смотрел так, как смотрят на вопрос, к которому готовились давно.

— Это не то, чем можно гордиться, сын. И не то, чем можно делиться.

— Но ты же был солдатом.

— Был. И надеюсь, что никогда не стану убивать без необходимости.

Пол встал, подошёл к тумбочке. Взял арбалет. Проверил тетиву, спусковой механизм, прицельную планку. Рядом лежал эластичный трос, свёрнутый в аккуратную бухту. На конце гарпун. Массивный, с острыми зубьями, с резиновыми прокладками на металле. Противошумное покрытие. Самая важная вещь в этом деле.

— Я постараюсь, отец, — прошептал он. — Постараюсь не убивать без необходимости.

Но он знал: завтра, возможно, придётся.

Ангар на окраине базы встретил их запахом керосина и машинного масла.

Пол любил этот запах. Он пах работой, риском, чем-то настоящим, а не тем, что в кабинетах с кофе и мастикой для обуви. Здесь не было ковров и портретов на стенах. Здесь были ящики, лампы, карты на деревянных столах и семь человек, которым не нужно было ничего объяснять дважды.

Пол разложил спутниковые снимки. Лампы освещали карту жёлтым, больничным светом.

— Корабль стоит в десяти милях от берега. Граница международных вод. Местные власти его не трогают — работаем мы. Десять человек экипажа. Все обученные, все вооружённые. Задача: взять судно тихо, до прилёта самолёта. Захватить системы связи. Живыми — всех, кого можно.

Он обвёл взглядом команду.

— Вопросы?

Гарсия стоял в стороне от других, прислонившись к стене. Чёрные волосы, чёрные глаза, чёрная форма. Он растворялся в полумраке ангара так, будто его там не было. Пол знал: если Гарсия не хочет, чтобы его заметили — его не заметят.

— Гарсия. Первым идёшь ты.

Гарсия поднял глаза. Медленно, как человек, который не привык, чтобы его окликали.

— Часовых на палубе двое. По данным разведки.

— Уберу обоих.

— Из арбалета?

— Ножом. — Гарсия достал нож. Узкий, чёрный, с матовым лезвием, которое не бликовало даже при ярком свете.

— Арбалет для гарпуна. Для людей нож.

— Почему?

Он помолчал.

— Стрела может звякнуть. Нож — нет.

Пол кивнул. Они работали вместе пять лет. Восемь операций, двенадцать часовых и ни одного лишнего звука. Ни одного свидетеля.

Гарсия убрал нож и снова отступил в тень, как будто разговора не было.

Стивенс сидел на ящике, скрестив ноги, и перебирал провода. Худой, сутулый, с вечно взлохмаченными волосами и очками, которые сползали на нос. В ангаре, среди здоровенных мужиков с автоматами, он выглядел как студент, которого занесло не на ту вечеринку.

— Стивенс. Как будет тихо — подключаешься к их электронике. Шифры, контакты, счета. Всё, что найдёшь.

— Сколько времени?

— Двадцать пять минут.

Стивенс поправил очки.

— Тридцать. Мне нужно взломать шифрование. Это не кнопку нажать.

— Двадцать пять.

— Двадцать семь.

— Двадцать пять, — повторил Пол. — Потом уходим. С тобой или без тебя.

Стивенс вздохнул с видом человека, которого окружают дикари.

— Двадцать пять. Но если не успею, то не вините.

— Успеешь, — сказал Пол. — Ты всегда успеваешь.

Стивенс не ответил. Только снова уткнулся в провода. Пол отвернулся. Он знал: Стивенс сделает за двадцать три.

Родригес улыбался. Как всегда. Даже сейчас, в пять утра, перед операцией, перед тем как лезть на вооружённый корабль в темноте, он улыбался. Это было слегка жутковато и одновременно успокаивало.

— Родригес, ты с Гарсией. Машинное отделение твоё.

— Что там делать? — спросил Родригес. — Взорвать?

— Отключить. Двигатели должны стоять.

— А если не отключатся?

— Тогда взорвать.

Улыбка стала шире.

— А если и взорвать не получится?

— Тогда мы все утонем.

— Весёлая операция, — сказал Родригес. — Люблю такие.

Он подмигнул и отошёл к своему рюкзаку. Пол проводил

его взглядом. Цирк, а не спецназ. Но если нужно что-то взорвать, то Родригес взорвёт. А если не взорвать — тоже справится. И при этом будет улыбаться.

Ковальски стоял у окна, сложив руки на груди. Высокий, худой, с острыми скулами и пустыми глазами снайпера. Три года вместе, но Пол ни разу не видел его улыбки.

— Ковальски. Остаёшься на катере. Прикрываешь сверху. Если кто-то заметит — снимаешь.

— Понял.

— Двое на палубе. Но если появятся ещё — твоё решение.

— Понял.

Пол посмотрел на него.

— Ты здесь?

— Здесь, — ответил Ковальски. — Двое на палубе. Сниму обоих, если увидят. Если не увидят — буду смотреть.

Он снова отвернулся к окну. За стеклом брезжил рассвет. Серый, мутный, как размытая фотография.

Хэнк подошёл к Полу последним. Встал рядом, посмотрел на снимки.

— Всё как обычно?

— Всё как обычно.

— Тогда нормально.

Он хлопнул Пола по плечу. Не легко, как хлопают в знак одобрения, а крепко, как хлопают, когда говорят: «Я рядом».

Пол знал этот жест. Знал, что значит.

— Пошли, — сказал Хэнк. — Спать будем после победы.

Их доставили к месту операции на старой посудине. Ржавой, некрасивой, с двигателем, который кашлял на каждом повороте. Такие катера называют рабочими лошадками. Не жалко потерять.

Пол стоял у борта, вглядываясь в темноту. Ветер трепал мокрые волосы, солёные брызги попадали на лицо, на губы. Он не вытирал.

— Корабль на месте, — сказал Маккой, не отрываясь от радара. — Десять человек на борту. Двое на палубе.

— Вооружение?

— Радар не показывает. Но будем считать, что есть всё.

Пол поднял бинокль. В рубке горел свет. На палубе двое. Один курит, второй стоит у перил. Охрана. Не расслабляются, но и опасности не ждут. Это был хороший знак и плохой одновременно. Хороший, потому что внезапность на их стороне. Плохой, потому что люди, которые не ждут опасности, иногда реагируют непредсказуемо.

— Ковальски, — тихо сказал Пол. — Твоя позиция.

Снайпер уже занял место на носу. Молча, как всегда. Винтовка легла на мешок с песком.

Пол опустил бинокль.

— Все по местам. Погружаемся.

Вода была тёплой, градусов двадцать пять. Пол опустил маску на лицо, проверил трубку. Всё работало. Акваланг тихо шипел за спиной, костюм сидел плотно.

Он перевалился через борт.

Темнота приняла его сразу. Плотная, солёная, без горизонта. Свет фонарей выхватывал из черноты песчаное дно, водоросли, мелких рыбок, которых интересовало всё, кроме войны. Пол держал курс по компасу. До корабля полмили. Течение попутное.

Рядом Хэнк. Пол заметил: дыхание у него было слишком частым. Не от нагрузки.

— Ты как? — спросил он в переговорное устройство.

— Нормально, — ответил Хэнк.

Голос выдал.

— Хэнк.

Пауза.

— Боюсь воды, — сказал Хэнк. — С детства. Не умел плавать. Потом научился. Но всё равно.

— Молчал раньше.

— А что говорить? Отчислят.

— Не отчислят, — сказал Пол. — Ты лучший. Просто плыви.

— Плыву.

Больше они не разговаривали. Пол думал об этом. О том, что Хэнк, здоровяк из Техаса, который никогда не жаловался, который спал перед операциями как убитый, боится воды. Каждый раз. И всё равно прыгает.

Это, наверное, и есть храбрость. Не отсутствие страха, а делать вопреки.

Через пятнадцать минут корабль вырос из темноты. Огромный, чёрный, с тусклыми огнями на рубке. Снизу он выглядел иначе, чем на снимке. Живым. Тяжёлым. Реальным.

Пол подал сигнал. Группа всплыла.

Он поднял перископ. Палуба тёмная. Из кают-компания доносилась музыка. Ритмичная, громкая, латиноамериканская. Это было хорошо. Музыка заглушала всё остальное.

— Гарсия.

— Вижу первого, — ответил Гарсия.

— Второй?

— Сейчас.

Они ждали. Пол считал секунды. Тридцать. Сорок. Пятьдесят. Второй часовой появился у борта, прошёлся, зевнул, потянулся. Человек, которому скучно. Человек, который хочет домой.

Гарсия выстрелил.

Стрела вошла в шею. Короткий, глухой звук, почти неразличимый на фоне музыки. Человек упал, не вскрикнув.

— Чисто.

Второй выстрел через десять секунд.

— Чисто.

Пол смотрел на тела и думал одну секунду. Ровно одну, не больше. Потом переключился.

— Гарпун.

Гарпун вошёл в борт с глухим стуком. Резиновые прокладки погасили звук. Трос натянулся, зубья держали.

— Я первый, — сказал Пол.

Он ухватился за трос и начал подъём. Руки работали равномерно, вес распределялся правильно. Борт приближался медленно. Каждый метр отдельно. Под ним чёрная вода. Над ним палуба с мёртвыми часовыми и живыми людьми, которые ещё ни о чём не догадывались.

Он перевалился через ограждение. Лёг на доски. Прислушался.

Музыка. Голоса из кают-компаний. Где-то смех.

— Чисто, — сказал он в рацию.

Дверь поддалась бесшумно. Гарсия смазал петли ещё на этапе планирования. Такие мелочи решают всё. Скрип двери мог выдать их раньше, чем любой выстрел.

В рубке горел красный свет. Ночное освещение. У штурвала один. Двое других сидели за картами. На столе пустые

бутылки, окурки, рация.

— Всем не двигаться! — крикнул Пол по-испански. —
Руки за голову!

Тот, что у штурвала, дёрнулся. Рука потянулась к поясу. Резко, отчаянно. Человек не сдавался. Он выбрал.

Хэнк выстрелил первым. Три пули. Мужчина упал без звука. Только глухой удар тела о палубу.

Остальные двое замерли. Один поднял руки сразу. Второй зажмурился, как будто темнота за закрытыми веками могла его спасти.

Пол подошёл к убитому. Посмотрел на него. Секунду, не больше. Татуировка на запястье: якорь с черепом. Морская пехота, бывший. Человек, который знал, что делал. Который выбрал.

— Вяжите их, — сказал Пол.

— Стивенс, твоя очередь.

Стивенс уже сидел у пульта, выдирал провода. Системы корабля были старыми. Он знал такие наизусть.

— Стивенс.

— Работаю.

— Гарсия, Родригес — в машинное.

Коридор был узким, тёмным, пропригес стрелял точно, как всегда, как будто это была не настоящая стрельба, а учебный тир. Он вытер лицо рукавом.

— У тебя кровь, — заметил Гарсия.

— Не моя.

— Всё равно вытри.

— Уже вытер.

Родригес посмотрел на Гарсию. Улыбка с его лица не исчезла, но стала другой. Тише. Как будто он и сам понимал: здесь улыбаться не нужно. Просто не умел иначе.

— Двигатели отключены, — сказал он в рацию. — Повторяю, двигатели отключены.

Дверь была приоткрыта. Пол заглянул внутрь. Четверо за столом, карты, пиво, смех. Никто ничего не ждал.

— Гарсия. Светошумовая.

Граната полетела внутрь. Пол захлопнул дверь. Четыре секунды. Белая вспышка даже сквозь сталь. Треск. Тишина.

Они ворвались.

Четверо сидели, зажмурившись, закрывая лица руками. Кто-то плакал, кто-то ругался. Никакого сопротивления. Только дезориентация и страх.

— На пол! Руки за голову!

Хэнк и Гарсия связали всех. Быстро, профессионально, без лишних слов.

— Десять человек, — сказал Маккой в рацию. — В рубке трое, в машинном трое, в кают-компании четверо. Все взяты.

Пол вышел на палубу. Огни берега мерцали вдалеке. Море успокоилось. Корабль тихо покачивался на волнах.

Они сделали это.

Пол подошёл к одному из связанных — тому, что сидел

прямее остальных. Снял капюшон.

Молодой, лет тридцати. Короткая стрижка, татуировка на шее. Якорь с черепом. Та же, что у убитого в рубке.

— Служил?

Мужчина молчал.

— Морская пехота?

Пауза.

— Три года, — ответил он наконец.

— И пошёл в торговцы оружием.

— Деньги нужны были. У меня семья.

Пол смотрел на него долго. На мгновение ему стало почти жаль. Не этого конкретного человека, а того выбора, который привёл его сюда. Три года в морской пехоте, потом это. Где именно он свернул не туда?

— У всех семьи, — сказал Пол.

Он натянул капюшон обратно и отошёл.

Эта фраза осталась с ним. Она была правдой и именно поэтому звучала как приговор.

— Есть контакт, — сказал Маккой. — Самолёт на подходе. Двадцать минут.

— Все по местам.

Пол передел своих людей в форму убитых членов экипажа. Часть плана. Встретить самолёт, взять пилота, закрыть

сеть.

— Татуировки, — вдруг сказал агент, переодетый в форму члена экипажа.

Пол обернулся.

— Что?

— У всех членов экипажа татуировка. Якорь с черепом. На запястье. Я видел у всех, кого мы взяли.

Пол посмотрел на своих людей. Потом на их запястья. Чистые.

Он выругался — тихо, коротко.

— Перчатки. Всем надеть перчатки. Сейчас.

— Заметят? — спросил Хэнк.

— Не заметят.

Гул двигателей появился раньше, чем огни.

Сначала низкий, едва различимый гул где-то за горизонтом. Потом он начал расти, наполняться, и наконец Пол увидел огни: красный, зелёный, белый. Самолёт заходил со стороны берега, низко, почти над самой водой, казалось, он сейчас заденет волны.

Ковальски лёг за винтовку.

— Не стрелять, — сказал Пол. — Ждём.

Самолёт приводнился в полумиле от корабля. Всплеск, облако брызг. Вот он уже катится по воде, замедляясь. Небольшой, двухмоторный, борт без опознавательных знаков. Именно такой, каким он и должен был быть.

— Маккой. Связь с берегом?

— Тихо. Нас не слышат.

— Ковальски. Вижу троих в самолёте.

— Вижу, — ответил снайпер. — Третий на задних сиденьях. Не двигается.

— Груз?

— Не могу сказать. Темно.

Пол опустил бинокль. К борту подошла резиновая лодка. Двое на вёслах, третий на носу. Когда лодка поравнялась с кораблём, тот, что сидел на носу, крикнул по-английски:

— Груз готов?

— Готов, — ответил агент из темноты. — Поднимайтесь.

Голос был правильным. Акцент правильным. Перчатки на руках — не видно в темноте.

Трое поднялись на борт.

Пол смотрел на них из тени рубки. Лёгкие костюмы, не военные. Хорошая обувь. Два тяжёлых кейса в руках, судя по тому, как они их держали. Не пилоты. Скорее, курьеры. Люди, которые перевозят деньги и стараются при этом выглядеть как бизнесмены.

— Деньги? — спросил агент.

— В кейсах. Как договаривались. — Тот, что был старшим, лет сорока пяти, с аккуратной бородой и усталыми глазами, осмотрел палубу. — Тихо у вас сегодня.

— Ночь, — ответил агент. — Все внизу.

— Оружие в трюме?

— Там. Спускайтесь.

Они спустились.

Пол считал секунды. Десять. Двадцать. Тридцать.

На сороковой секунде снизу донёлся крик. Потом три выстрела. Быстро, один за другим.

— Чёрт, — сказал Пол.

Он уже бежал.

Трюм встретил темнотой и запахом пыли.

Пол нырнул вниз по лестнице, перепрыгивая через ступени. За ним Хэнк и Гарсия. Фонарь на ходу, луч скользит по стенам.

Живой агент лежал у дальней стены, прижимал руку к плечу. Рядом второй, скрючившийся на полу, не двигается. Один из прибывших стоял над ними, пистолет в руке. Ещё двое метнулись к выходу.

— Стоять! — крикнул Пол.

Человек с пистолетом обернулся и выстрелил. Без паузы, без колебаний. Просто обернулся и выстрелил. Пуля прошла над левым плечом Пола, вонзилась с треском в переборку.

Пол нырнул за ящик.

Хэнк ответил короткой, точной очередью. Человек с пистолетом упал и застонал, зажимая раненое плечо.

Второй из прибывших бросился к лестнице. Гарсия вырос перед ним из темноты, беззвучно, как всегда, и мужчина

остановился так резко, что едва не упал.

— На колени, — сказал Гарсия тихо.

Мужчина опустил на колени.

Третий поднял руки.

— Не стреляйте. Я сдаюсь. Не стреляйте.

— На пол. Лицом вниз.

Пол подошёл к агенту. Тот сидел у стены, бледный, с зажатым плечом. Дышал часто, но ровно.

— Что случилось?

— Они поняли сразу, как спустились. — Агент поморщился, переменял положение руки. — У одного из наших не было татуировки. Перчатки он снял. Жарко было.

Пол посмотрел на Хэнка. Он отвёл взгляд.

— Врача, — сказал Пол в рацию. — Маккой, вызывай подкрепление и врача.

— Уже набираю, — ответил Маккой.

Пол подошёл к стрелявшему. Он лежал на боку, держался за плечо. Моложе, чем казалось сверху. Лет двадцать пять. Глаза открыты, смотрит в потолок.

— Не умрёшь, — сказал Пол. — Плечо. Врач приедет.

— Мне всё равно, — ответил тот по-английски.

— Врёшь.

Тот не ответил. Смотрел в потолок.

Пол выпрямился. Что-то в этом равнодушном и усталом взгляде осталось с ним. Человек, которому двадцать пять лет, которому всё равно, умрёт он или нет. Это было страш-

нее сопротивления.

Старший из прибывших сидел на ящике, руки связаны за спиной. Капюшона на нём не было. Пол смотрел на него, и тот взглянул в ответ — спокойно, без страха, с выражением человека, который уже всё просчитал и принял.

— Кто заказчик?

— Я не знаю.

— Неправда.

— Мне платят через третьих лиц. Я никогда не встречался с заказчиком лично. Это правда, можете не верить.

— Где деньги?

— В кейсах. Код: пять, ноль, восемь.

Пол не торопился к кейсам. Смотрел на него.

— Ты работаешь на них давно?

— Достаточно.

— Сколько людей погибло от этого оружия?

Мужчина промолчал. Не из упрямства — Пол видел: он думал над ответом. По-настоящему думал.

— Я не считал, — сказал он наконец.

— А стоило бы.

— Может быть, — он поднял взгляд. — А вы считали, Винстон?

Пол не ответил. Подошёл к кейсам, набрал код. Крышка щёлкнула. Внутри пачки долларов, новые, хрустящие. Много. Очень много.

— Сколько здесь? — спросил Хэнк.

— Пять миллионов, — ответил мужчина с ящика. — Стандартная сумма за партию такого размера.

Пол закрыл кейс.

— Стивенс, — сказал он. — Твоя очередь.

Стивенс работал молча. Это само по себе было нетипично. Обычно он бормотал что-то под нос, ругался на чужой код, комментировал криптографию с видом преподавателя, которому попался плохой студент.

Сейчас тихо. Только стук клавиш.

— Что там? — спросил Пол.

— Новое шифрование, — ответил Стивенс, не отрываясь от экрана. — Я такого не видел. Интересно.

— Интересно? Это хорошо или плохо?

— Зависит от того, кто его писал. Если умный человек — плохо... Но не умнее меня.

Пол отошёл. Стивенс не любил, когда смотрят через плечо.

Через двадцать две минуты Стивенс поднял руку.

— Есть.

Пол подошёл к ноутбуку. Экран светился списком: имена, счета, контакты, координаты. Африка. Ближний Восток. Юго-Восточная Азия. Европа. Имён было больше, чем Пол ожидал. Намного больше.

— Это вся сеть? — тихо спросил Хэнк.

— Большая её часть, — ответил Стивенс. — Копирую в трёх экземплярах.

Пол смотрел на список и думал об одном: сколько из этих имён уже получили оружие. Сколько уже нажали на спуск.
— Копируй, — сказал он.

Подкрепление пришло через час. Быстроходные катера, врач, следственная группа. Корабль взяли под охрану. Пленных увели. Раненого агента унесли на носилках.

Пол нашёл его на верхней палубе. Уже перевязанного, с капельницей в руке. Врач сделал своё дело и ушёл.

— Больно? — спросил Пол.

— Терпимо.

— Хорошая работа.

Агент усмехнулся — коротко, без веселья.

— Три года в этой сети. Три года изображать человека, которым я не являюсь. — Он посмотрел на свою перевязанную руку. — Иногда думаю: а каким человеком я являюсь?

Пол сел рядом. Не ответил, потому что ответа не было. Или потому что он его знал, но говорить вслух не хотел.

— Вы никогда не сомневаетесь, Винстон? — спросил агент.

— В чём?

— В том, что делаете. В том, зачем это всё.

— Сомневаюсь.

— И что делаете с этими сомнениями?

— Работаю, — сказал Пол. — Это единственное, что помогает.

Агент смотрел на огни берега. Они мерцали вдалеке. Жёлтые, тусклые, дрожащие. Там спали люди. Там были дома, кухни, дети, которые завтра пойдут в школу. Они не знали об этом корабле. Не знали об этом списке имён. Не знали, что кто-то всю ночь плыл в темноте, чтобы они могли продолжать не знать.

— Я воюю за деньги, Винстон, — сказал агент тихо. — А вы?

Пол молчал долго.

— Ещё не разобрался, — ответил он наконец.

Агент кивнул. Как будто это был самый честный ответ, который он слышал за долгое время.

Ленстон ждал его в кабинете. Пол не успел переодеться. Мокрая форма, лицо в соли, под глазами круги. Ленстон смотрел на него и, кажется, ничего этого не видел.

— Хорошая работа, — сказал он. — Данные уже у аналитиков. Сеть вскрыта.

— Что дальше?

— Дальше политика. Передаём данные в ООН, они голосуют, страны-члены принимают решения. Никто никуда не спешит.

— А пока они голосуют, — сказал Пол, — оружие продолжает поступать к тем же людям. По другим каналам.

— Возможно.

— Не возможно. Точно.

Ленстон посмотрел на него без раздражения — с усталым пониманием человека, который сам когда-то думал так же.

— Ты циник, Винстон.

— Нет. Реалист. Это разные вещи.

Ленстон взял со стола ручку, повертел в пальцах.

— Ты устал. Иди отдыхай.

Пол встал. У двери остановился.

— Агент выживет?

— Должен. Его уже везут в госпиталь.

— Хорошо.

Пол вышел. Ленстон смотрел ему вслед и думал: слишком много думает. Для солдата — слишком много.

Потом подумал: а может, именно поэтому возвращается.

В казарме было тихо. Кто-то уже спал. Кто-то лежал с открытыми глазами — не спал, но и не вставал. Пол прошёл к своей койке, скинул мокрую форму, бросил в угол.

Фотография отца стояла на тумбочке.

Пол сел на краю койки. Долго смотрел на неё. Не в поисках ответа, просто так. Как смотришь на человека, которому хочешь что-то сказать, но не знаешь что именно.

— Я сделал это, отец, — прошептал он наконец. — Я сделал то, зачем меня послали.

Фотография молчала. Как всегда.

— Но я не знаю, стало ли от этого лучше.

Он лёг. Перед глазами стояли лица. Тот, в рубке — с пу-

зырьками крови на губах. Молодой парень с пистолетом в трюме, который смотрел в потолок и говорил «мне всё равно». Пленный с татуировкой якоря: *у меня семья*.

Они были плохими людьми. Каждый из них сделал выбор. Осознанный, взрослый. Никто их не заставлял. И всё равно что-то в этом не давало покоя. Не вина — не то слово. Что-то другое. Что-то, для чего у Пола не было названия.

Хэнк не спал. Сидел на своей койке, смотрел в пол.

— Ты о нём думаешь? — спросил Пол.

— О ком?

— О том, что стрелял в трюме.

Хэнк помолчал.

— Я видел его глаза, Пол. Когда он упал. Он не злился. Не боялся. Просто пусто.

— Я знаю.

— Откуда человек приходит к такому? Двадцать пять лет и пусто.

— Не знаю, — сказал Пол. — Наверное, по-разному.

— А мы... Мы не придём к такому?

Долгая пауза.

— Не придём, — сказал Пол. — Потому что спрашиваем.

Хэнк поднял взгляд. Посмотрел на него. Долго, серьёзно, без обычной своей усмешки.

— Это ты философ, Винстон, — сказал он наконец. — Не я.

— Сам же спрашиваешь.

— Это разные вещи.

— Нет, — сказал Пол. — Это одно и то же.

Хэнк лёг, закрыл глаза. Пол смотрел на потолок.

За что он воюет? За страну? За идею? За тех, кто спит сейчас в домах на берегу и не знает об этом корабле?

Может быть. Но это звучало слишком красиво. Слишком правильно. Так не бывает. Такой ясности.

Он воевал за Хэнка, который боится воды и всё равно прыгает. За Стивенса, который торгуется за минуты и успевает на три минуты раньше. За Гарсию, который растворяется в тени и никогда не ошибается. За Родригеса с его неуместной улыбкой, которая на самом деле не неуместная. За всех семерых в предрассветном ангаре.

Это было меньше, чем родина. И больше, чем родина.

На обратном пути в казарму Пол зашёл в канцелярию. Взял лист бумаги, сел.

Долго смотрел на чистый лист.

Потом написал:

«Мама. Я жив, здоров. Работа идёт. Скоро напишу больше. Береги себя. Пол».

Он не написал о корабле. Не написал о трюме и о человеке с пустыми глазами. Не написал о татуировке якоря и о пленном, у которого была семья. Не написал о том, что агент

три года изображал того, кем не являлся, и теперь не знает, кем является на самом деле.

Мать не нужно было знать всего этого. Ей нужно было знать только одно слово из этого письма.

Жив.

Он запечатал конверт. Отдал дежурному.

В казарме было шумно. По меркам этих людей, которые вообще-то шумели редко. Родригес рассказывал что-то с яркой жестикуляцией. Стивенс смеялся по-настоящему, не вежливо. Даже Ковальски сидел с ними, хотя ничего не говорил, просто сидел.

Хэнк разливал пиво по кружкам.

— Вовремя, — сказал он, увидев Пола. — Иди сюда.

Пол взял кружку. Посмотрел на своих людей, усталых, в мятой форме, с тёмными кругами под глазами, и подумал: вот оно. Вот это и есть ответ. Не красивый, не правильный, просто настоящий.

— За успех! — поднял кружку Хэнк.

— За успех! — повторили остальные.

Пол поднял свою.

— За тех, кто вернулся, — сказал он. — И за тех, кто когда-нибудь не вернётся.

Все замолчали. Секунда настоящей, не неловкой тишины.

Потом Хэнк крикнул:

— Философ, чёрт возьми.

Все засмеялись.

Пол отпил. Поставил кружку. Сидел и слушал, как Родригес продолжает свою историю. Что-то про взрывчатку и морского котика, и это явно была байка, но все делали вид, что верят, и это тоже было важно.

Снаружи светало. Серое небо становилось синим, потом почти белым. Ещё час и взойдёт солнце.

Ещё один день.

Ночью, когда все уснули, Пол лежал и думал о сыне.

Не о реальном. Реального не было. О том, которого, может быть, когда-нибудь. Которого он назовёт Ричардом, в честь отца.

Я расскажу ему об этой работе, — думал Пол. Не о крови и не о трюме. О том, что честь — это не слово на плакате. Это когда прыгаешь в воду, даже если боишься. Это когда торгуешься за три минуты, но успеваешь раньше. Это когда стоишь в ангаре в пять утра и знаешь: рядом люди, которые не уйдут.

Он не знал, родится ли этот сын. Не знал, вернётся ли сам.

Но сейчас, в эту минуту, он был просто Полом Винстоном. Солдатом, который сделал работу. И который завтра, если

нужно, сделает её снова.

Фотография отца стояла на тумбочке. Полковник Ричард Винстон смотрел в объектив. Спокойно, прямо, с лёгкой складкой между бровями, которая говорила не о злости, а о сосредоточенности. О том, что он думает.

Пол закрыл глаза.

За окном всходило солнце.

ГЛАВА 3. ПРЕДАТЕЛЬСТВО В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Кабинет пах мелом и равнодушием.

Пол заметил это сразу, как переступил порог. В кабинете Ленстона пахло кофе, мастикой для обуви и потом. Потом людей, которые сами выезжали на операции, которые знали, как визжит сталь при попадании пули. Здесь ничего такого. Здесь пахло чистящим средством для столов, сухим воздухом кондиционера и теми невидимыми дезинфекторами, которыми обрабатывают помещения, где никто никогда не потеет.

Полированные стены отражали потолочные лампы. На подоконнике орхидея в горшке. Дорогая, ухоженная, с искусственной опорой для стебля. На стене портрет президента в тяжёлой рамке. На полу ковролин бежевого цвета, на котором не оставалось следов.

Пол не любил такие кабинеты. В них решали судьбы людей, которые никогда не сядут в этот полированный стул.

Полковник Моррисон сидел за столом, разложив перед собой папки с цветными вкладками. Ему было под шестьдесят, но выглядел на все семьдесят. Мешки под глазами, седая щетина, пальцы с пожелтевшими от никотина ногтями.

Человек, который давно не держал оружия, но подписывал приказы.

— Майор Винстон. Садитесь.

Пол сел. Кресло оказалось слишком мягким. Он выпрямил спину, положил руки на колени.

Моррисон перелистнул страницу. Тянул время или собирался с мыслями. Пол не мешал.

— Задача следующая. — Он подвинул к Полу папку. — Юго-Восточная Азия. Оппозиционный лидер готов к диалогу, но нуждается в финансировании. Ваша задача — организовать передачу десяти миллионов долларов его представителям. Наличные разбиты на три части. Три передаточных звена. Каждое независимо. Каждое не знает об остальных.

— Сроки? — спросил Пол, открывая папку.

— Восемнадцать дней. Максимум.

Спутниковые снимки, досье на контакты, схемы маршрутов. Пол листал медленно, запоминал, не читал.

— Кто в группе?

— Вы старший. Четверо оперативников и лейтенант Андерсон.

Моррисон произнёс фамилию так, будто она должна была что-то значить.

— Его отец — сенатор от Техаса, председатель комитета по вооружённым силам. Сам лейтенант закончил Вест-Пойнт с отличием. Первое место в потоке по тактическому планированию. Это его первая реальная операция. Он будет

учиться у вас.

Пол закрыл папку.

— У меня не школа, сэр. Мои ученики иногда не возвращаются.

— Приказы не обсуждаются.

Дверь открылась, и вошёл молодой человек. Лет двадцати пяти, подтянутый, в идеально отутюженной форме. Ботинки начищены до зеркального блеска. Короткая стрижка, чисто выбрит. Остановился у порога, щёлкнул каблуками, вскинул руку к виску.

— Лейтенант Андерсон по вашему приказанию, сэр.

Моррисон кивнул.

— Это майор Винстон. Ваш командир.

Андерсон повернулся к Полу. Глаза живые, блестящие, с тем особым огнём, который бывает у людей, которые ещё ни разу не слышали, как свистит пуля над ухом. Протянул руку слишком энергично.

— Рад знакомству, сэр.

Пол пожал руку, не отвечая. Жест крепкий, правильный. Всё правильное всегда настораживало.

— Садитесь, лейтенант.

Андерсон сел. Слишком прямо. Слишком быстро. Пол мысленно отметил это.

Моррисон изложил детали ещё раз. Теперь для обоих. Три передаточных звена. Наличные разбиты на части. Маршрут через посредников. Окно операции — восемнадцать дней,

но реальный коридор уже сужался: разведка давала четырнадцать, максимум шестнадцать.

— Вопросы? — закончил Моррисон.

— Нет, сэр, — сказал Пол.

Андерсон поднял руку, как школьник на уроке.

— Сэр, разрешите уточнить. В плане указан маршрут через три промежуточных передатчика. Не проще ли использовать прямой контакт? Это сократило бы время на три дня и снизило риск утечки.

Моррисон посмотрел на Пола.

— Винстон?

— Прямой контакт увеличивает риск перехвата, — сказал Пол. — Три передатчика — это три точки контроля. Если один сдаст, то мы знаем, кто. При прямом контакте нет.

— Но мы теряем время, сэр, — настаивал Андерсон. — А в таких операциях время — это всё.

— Нет, — сказал Пол. — В таких операциях всё — это безопасность. Время ресурс. Ресурсы теряются и восстанавливаются. Безопасность — нет.

Андерсон открыл рот, потом закрыл. Кивнул. Но в его глазах Пол прочитал не согласие. Уважение к старшему по званию, только уважение. Не согласие.

Он запомнил этот взгляд.

Моррисон закрыл папку.

— Через три дня вылетаете. Всё.

Они вышли в коридор. Андерсон догнал Пола.

— Сэр, вы действительно считаете, что тройная передача оправданна? Я перепроверил данные разведки. Канал чист. Ни одного провала за два года.

Пол остановился. Повернулся к нему лицом.

— Лейтенант. Сколько операций вы провели?

— Две, сэр. В качестве наблюдателя.

— А сколько в качестве командира?

Молчание.

— Ни одной, сэр.

— Я провёл восемнадцать. Боевых одиннадцать. — Пол не повышал голоса. — Знаете, сколько из них пошли по плану?

Андерсон молчал.

— Ни одной. Потому что план — это то, что придумывают в кабинете, где пахнет орхидеями. Реальность — это то, что ждёт на земле. Если я говорю «три передатчика», значит, три передатчика. Вам не нужно ничего предлагать. Вам нужно делать, что я скажу.

Андерсон вытянулся.

— Так точно, сэр.

— Вольно. И перестаньте щёлкать каблуками.

Пол развернулся и пошёл к выходу. За спиной услышал, как лейтенант переводит дыхание.

«Молодой, — подумал Пол. — Горячий. Хочет доказать».

Он вышел на парковку. Закурил. Подумал об Андерсоне ещё раз. О том, как тот поднял руку, как школьник. О блеске

в глазах. О правильных ботинках.

Через три дня Юго-Восточная Азия. Жара, влажность, чужие лица. И лейтенант, который слишком много говорит и слишком хочет доказать.

Страна встретила их влажностью, которая залезала под одежду и оставалась там навсегда.

Пол вышел из трапа и сразу почувствовал её. Тяжёлую, липкую, как мокрая ткань на лице. Воздух был густым, насыщенным. Пахло гнилыми фруктами, выхлопными газами и чем-то сладковато-приторным, что невозможно описать и невозможно забыть. Пол знал этот запах. Юго-Восточная Азия пахла так всегда. С первого дня и до последнего, и ты никогда к ней не привыкал.

Андерсон шёл следом, нёс рюкзак аккуратно, будто в нём лежали дипломатические документы. Форма свежая. Переоделся перед посадкой. Пол посмотрел на него и ничего не сказал. Через три дня форма начнёт гнить прямо на теле.

Местный контакт ждал у выхода. Низкорослый, плотный, с лицом, которое невозможно запомнить. Такие лица — лучшие паспорта в этом ремесле. Звали его Ли. Только Ли. Пол не спрашивал фамилию.

Они ехали двадцать минут по улицам, где светофоры были рекомендацией, а не правилом. Мотоциклы текли между

машинами как вода. Продавцы на тротуарах жарили что-то на масле. Дети играли у водосточных канав.

Квартира в старом районе. Узкие улицы между бетонных коробок. Два топчана с тонкими матрасами. Вентилятор на потолке, который издавал звук раненого вертолёта. Окна во двор, где сушилось бельё и бегали босые дети.

— Встреча с посредником завтра в десять, — сказал Ли.
— Ресторан в квартале отсюда. Он придёт один. Вы тоже.
— Понял, — сказал Пол. — Адрес?
— Я провожу.

Ли исчез в соседней комнате. Андерсон положил рюкзак, сел на топчан, осмотрелся. Лицо ровное, без брезгливости, без удивления. Хороший знак.

— Спать, — сказал Пол. — Завтра рано вставать.
— Сэр, я хотел бы изучить детали ещё раз. Маршруты, точки передачи, запасные варианты.
— Вы их уже знаете.
— Я хочу убедиться, что не упустил ничего.

Пол посмотрел на него. В этой настойчивости не было наглости. Была жажда. Человек хотел не провалиться. Это понятно. Это даже правильно.

— Час, — сказал Пол. — Потом спать.

На следующее утро Ли отвёл их к ресторану. Пластиковые стулья, бумажные скатерти, мухи над открытой витриной с едой. Пять столиков, все пустые в этот ранний час. Посредник сидел в дальнем углу, лицом к выходу.

Хороший знак.

— Мистер Ли рекомендовал вас. Я — Чонг.

— Винстон. Помощник.

Пол не называл настоящую должность никогда.

— Деньги готовы?

— Готовы. Десять миллионов. Наличные. Разбиты на три части. Три передаточных звена. Каждое получит свою долю независимо.

Чонг помолчал. Помешал чай.

— Много денег. Три передатчика — три риска.

— Один передатчик — одна точка отказа. Три — три независимых контроля. Если один сдаст, двое молчат.

— Логично, — сказал Чонг. — Но медленно.

— Надёжно.

Чонг кивнул, не соглашаясь, просто принимая к сведению.

— Передача завтра. Первый в десять утра. Второй в два дня. Третий в шесть вечера. Место — за час до встречи.

— Договорились.

— Пришлите одного. Не двоих.

Он встал и вышел, не прощаясь.

Утром Пол отправил Андерсона к первому передатчику.

Сам остался в машине за квартал. Бинокль, рация, двигатель на холостом ходу.

— Вижу передатчика, — сказал Андерсон в рацию. — Пожилой. Один. Сидит у входа.

— Ждите его сигнала.

— Понял.

Двадцать минут.

— Передача прошла. Первый подтвердил получение. Уходит.

— Возвращайтесь.

Андерсон вернулся быстро, сел на пассажирское, положил руки на колени. Лицо спокойное.

— Нормально прошло?

— Нормально, сэр.

— Что заметили?

— За передатчиком никого не было. Улица просматривалась в обе стороны. Один человек стоял у табачного киоска слишком долго, но потом купил сигареты и ушёл.

— Хорошо. Вы смотрите правильно.

Андерсон чуть кивнул. Принял как факт, не как похвалу.

В два часа второй передатчик. Молодая женщина в кафе на рынке. Шум, запах специй, сотни людей вокруг. Идеальное место. Андерсон вернулся через двадцать пять минут.

— Подтвердила. Ушла через служебный выход.

— Профессионал.

— Да. Она считала деньги прямо за столом. Быстро, не глядя. Как банкир.

— Она и есть банкир. Только с другим работодателем.

Они поели в машине. Рисовые шарики из пакета, тёплая вода. Андерсон ел аккуратно. Пол заметил: не брезгует едой,

не жалуется на жару, не достаёт телефон.

Может, что-то из него выйдет.

В пять вечера Чонг прислал координаты третьего. Чайный дом в трёх кварталах к востоку. Пол изучил маршрут, прошёл его мысленно, отметил два запасных выхода.

В половину шестого Андерсон собрался.

— Сэр. Разрешите вопрос.

— Говорите.

— Третья часть — пять миллионов. Это больше половины от всей суммы. Почему распределение неравное?

— Потому что третий передатчик — финальное звено. Он доставляет деньги напрямую представителям оппозиции. Ему нужна большая часть сразу, чтобы подтвердить серьёзность намерений.

— Логично, — сказал Андерсон. — Понял.

— Удачи.

Он вышел. Пол смотрел ему вслед.

Десять минут. Двадцать. Тридцать.

— Андерсон, приём.

Молчание.

— Андерсон, ответьте.

Ничего.

Пол выругался. Завёл машину. Чайный дом был в трёх кварталах. Он доехал за две минуты, остановился за углом, поднял бинокль.

Чёрные машины без номеров перекрыли оба выхода. Лю-

ди в штатском. Пятеро, может шестеро. Стояли спокойно. Не как те, кто только что прибыл, а как те, кто ждал заранее.

Андерсона выводили двое. Руки за спиной. Связаны пластиком. Лицо разбито, левая бровь рассечена, кровь на воротнике. Но идёт сам. Ноги держат.

Пол опустил бинокль.

Третий передатчик продал. Вопрос — кому и когда.

Он смотрел, как машины уезжают. Записал номер последней. Привычка, которая никогда не давала результатов, но от которой нельзя было избавиться. Потом убрал бинокль, выехал с парковки, повернул в противоположную сторону.

Нельзя возвращаться на квартиру сразу. Нельзя звонить открытым текстом. Нельзя паниковать.

Он ехал по ночному городу и думал. Первые два передатчика прошли чисто. Значит, слили третий. Либо сам передатчик, либо кто-то, кто знал только о третьей точке. Значит, Чонг. Или кто-то над Чонгом.

Андерсон попал в ловушку, которую поставили не для него. Просто оказался там, где нужно было оказаться кому-то с деньгами.

Пол остановился у набережной. Выключил двигатель. Закурил.

Через час он позвонил Ли с одноразового телефона.

— Третья точка накрыта. Лейтенант задержан.

Долгая пауза.

— Понял, — сказал Ли. — Уходите. Я найду канал.

— Найдите Чонга.

— Найду.

Пол выбросил телефон в реку. Поехал на запасную квартиру. Адрес знал только он.

Лежал на жёстком матрасе и смотрел в потолок. Вентилятора не было. За окном городской шум, мотоциклы, чья-то музыка.

Он думал об Андерсоне. О том, как тот шёл. Прямо, без суеты. О двух правильно проведённых передачах. О вопросе про распределение суммы. Умный вопрос, правильный.

«Жаль, — подумал Пол. — Из него вышло бы что-то».

Андерсона обменяли через трое суток.

Пол узнал об этом уже на родине. Из короткого сообщения через защищённый канал. «Лейтенант Андерсон в безопасности. Возвращается на родину». И больше ничего.

Потом началось другое.

Закрытое расследование через неделю после возвращения группы. Через ещё две вызов к Моррисону. Кабинет тот же, орхидея та же. Только Моррисон выглядел иначе: не полковник с папками, а человек, который принял решение и теперь его оформляет.

— Садитесь, Винстон.

Пол сел. На этот раз кресло казалось ещё мягче и ещё более неуместным.

— Расследование установило следующее. — Моррисон

смотрел в бумаги, не на него. — В ходе операции лейтенант Андерсон похитил два миллиона долларов из переданных ему средств. Факт хищения подтверждён. Лейтенант признал вину.

— Я знаю, — сказал Пол.

— Также установлено, что передача третьему звену была осуществлена с неполной суммой. Это стало причиной срыва операции.

Пол молчал.

— Третий передатчик, Нгуен Ван Минь, сотрудничал с местными спецслужбами. Он ждал полной суммы. Когда получил неполную — сообщил своему куратору. Куратор принял решение задержать вашего человека.

— Значит, Андерсон своей кражей запустил арест, — сказал Пол.

— Именно.

— Тогда ответственность за срыв операции лежит на нём. Моррисон поднял взгляд. Впервые за весь разговор.

— Он был в вашем подчинении.

— Он совершил уголовное преступление. Я не могу читать мысли подчинённых.

— Вы обязаны были осуществлять контроль.

— Я осуществлял контроль. Первые две передачи прошли без нареканий. Третью он проводил самостоятельно, как было предписано планом. Тем планом, который утверждали здесь.

Моррисон снова опустил взгляд.

— Сенатор Андерсон обратился с запросом. Официальным... Он хочет, чтобы ответственность за операцию была задокументирована на уровне командира.

Пол понял. Не сразу, через секунду. Понял полностью, с деталями.

— Он хочет стрелочника.

— Я не употреблял этого слова.

— Но именно это имеется в виду.

Моррисон не ответил. Это и был ответ.

Пол встал. Кресло осталось за ним. Мягкое, глубокое, удобное.

— Документы мне принесут? Или сам явлюсь?

— Трибунал через пять дней. Вам сообщат детали.

Пол кивнул. Вышел.

В коридоре остановился. Достал сигарету, не закуривая, просто держал в руках. Думал.

Сенатор от Техаса. Председатель комитета по вооружённым силам. Его сын признал вину. Это данность, это уже нельзя изменить. Но признание вины в хищении — это одно. Признание вины в срыве операции — другое. Второе опасно политически.

Значит, нужен тот, кто взял на себя «халатность». Тот, кто «недоглядел». Тот, у кого нет сенатора-отца.

Пол убрал сигарету обратно в пачку.

В коридоре его догнал человек. Незнакомый, в штатском,

лет сорока. Молча вложил в руку визитку. Пол посмотрел: имя, номер телефона, город Москва.

Человек ушёл, не сказав ни слова.

Пол смотрел на визитку. Перевернул. На обороте написано от руки, синей ручкой: «Позвоните, когда будет плохо».

Он убрал визитку в карман. Пошёл дальше.

Зал трибунала пах старыми документами и страхом.

Пол сел на скамью подсудимых. Дерево было холодным даже через форму.

— Майор Пол Винстон, — объявил председатель, полковник с каменным лицом, — вы обвиняетесь в халатности, приведшей к срыву секретной операции, утрате государственных средств и нанесению ущерба международному авторитету Соединённых Штатов.

Пол отметил: «международный авторитет». Это была формулировка из политического, а не военного лексикона. Её кто-то вписал специально.

— Как вы заявляете себя?

— Не виновен.

Адвокат рядом дёрнулся, советовал признать частичную вину. Пол отказался ещё три дня назад. Не потому, что не понимал последствий. Потому что солгать под присягой не мог. Это было единственное, что у него осталось.

Прокурор изложил дело сухо, чётко, убийственно: майор не осуществил должный контроль над подчинённым, подчи-

нённый похитил средства, операция была сорвана, возник международный скандал.

Пол слушал. Слова были правильными. Каждое по отдельности. Вместе они складывались в историю, которой не было.

— Подсудимый, вы признаёте, что лейтенант Андерсон находился в вашем подчинении?

— Да.

— Признаёте, что он действовал без вашего ведома?

— Да.

— Тогда вы несёте ответственность за его действия.

— Я несу ответственность за операцию, — сказал Пол. — Не за уголовное преступление, которое совершил мой подчинённый самостоятельно, втайне, в нарушение устава, приказа и здравого смысла.

— Майор, — сказал председатель, — командир отвечает за всё.

Пол знал эту фразу. Сам произносил её. Стоя перед молодыми офицерами, которые думали, что командовать — это значит приказывать. Пол объяснял: командовать — это значит нести. Всё, что делают твои люди. Это крест, который ты надеваешь добровольно.

Теперь этот крест использовали как оружие.

Вызвали Андерсона. Он вошёл бледный, с кругами под глазами, в форме, которая сидела слишком правильно, будто специально выглажена к этому дню. Не поднимал взгляда.

— Лейтенант, вы признали вину в хищении государственных средств?

— Да.

— Действовали самостоятельно?

— Да.

— Сообщали майору о своих намерениях?

— Нет.

— Почему?

Андерсон поднял голову. Посмотрел на Пола. Прямо, без трусости, но и без силы. Взгляд человека, который знает, что уже сломан.

— Я думал, что смогу. Что справлюсь сам. Что никто не заметит. Я ошибся.

Адвокат Пола встал:

— Лейтенант, майор Винстон предупреждал вас о рисках операции?

— Да. Неоднократно.

— Он давал вам чёткие инструкции?

— Да.

— Вы следовали им?

Молчание.

— В части передач — да. В части денег — нет.

— Почему нет?

Андерсон помолчал. Его пальцы слегка, почти незаметно, сжались на краю стола.

— Потому что хотел доказать, что я тоже чего-то стою.

Что я не просто сын сенатора, которого сопровождают на операцию. Что я сам.

Тишина в зале была плотной.

— Вот только доказал я это неправильно, — добавил Андерсон тихо.

Трибунал удалился на совещание. Пол ждал час.

Два часа. Сидел на холодной скамье, смотрел на пустой стол, на флаг в углу, на потолочные лампы. Думал об отце.

Ричард Винстон никогда не сидел на скамье подсудимых. Он сидел за столами. Подписывал приказы. Командовал. Возвращался с орденами. Тихо, без парадов, просто вешал их в шкаф и садился ужинать. Пол в детстве однажды достал эти ордена, разложил на полу в гостиной. Отец вошёл, посмотрел, ничего не сказал. Только убрал обратно. Аккуратно, без спешки.

«Что бы ты сказал сейчас?» — думал Пол.

Фотографии рядом не было. Только холодное дерево скамьи и запах старых документов.

Трибунал вернулся. Пол встал.

— Майор Винстон, суд признаёт вас виновным в халатности, повлёкшей срыв секретной операции и утрату государственных средств. Постановляет: уволить из Вооружённых сил США без права на пенсионные льготы и без сохранения воинского звания.

Зал начал пустеть. Люди вставали, переговаривались

вполголоса, собирали бумаги. Обычный рабочий день.

Андерсон оказался рядом. Пол не заметил, как тот подошёл. Стоял в метре, смотрел в пол.

— Сэр. Я хотел сказать...

— Не надо, — сказал Пол. — Просто не надо.

Андерсон поднял взгляд. В его глазах было что-то такое. Не стыд, глубже стыда. То, что остаётся, когда стыд уже прожжёт насквозь и выйдет с другой стороны.

— Я скажу отцу, — произнёс он. — Что это была моя ошибка. Что вы не...

— Андерсон. — Пол посмотрел на него. — Ваш отец уже всё решил. До того, как вы вошли в этот зал.

Андерсон закрыл рот.

— Идите, лейтенант.

Пол вышел.

Во дворе он закурил.

Руки не тряслись. Он ждал этого тремора, слабости, чего-нибудь. Ничего. Руки были спокойны. Только внутри что-то сдвинулось. Медленно, как плита при землетрясении. Не рухнуло. Просто встало на другое место. И теперь всё было чуть иначе, чуть не так, как было утром.

Форма на нём была та же, что утром. Но он уже не был майором.

Он был никем.

Смотрел на здание трибунала. Обычное офисное здание:

стекло, бетон, флаг на крыше. Газон перед входом, подстриженный аккуратно, с бордюрчиком. Никого героического. Просто место, где люди в костюмах поставили крест на его жизни и разошлись по домам к ужину.

Он вдруг подумал об отце. Не о полковнике с портфелем. О другом. О том, каким отец был, когда Полу было десять. Они сидели на крыльце дома в Огайо, и отец чистил охотничье ружьё. Молча. Слова были не нужны. Они умели молчать вместе, это было редкое умение, которое Пол оценил только взрослым.

— Пап, — спросил тогда Пол, — а ты гордишься мной?

Отец поднял голову. Смотрел долго. Так, как смотрят на вопрос, который заслуживает настоящего ответа.

— Ты ещё не сделал ничего, чем можно гордиться, сын. Но сделаешь. Я знаю.

Пол обещал себе тогда: сделает. Дослужится до полковника. Встанет на трибуне, примет парад. И отец улыбнётся сверху. Не при всех. Просто чуть улыбнётся уголком рта.

Теперь этого не будет. Никогда.

В горле застрял ком. Твёрдый, как камень. Он не плакал. Не умел или разучился, или просто давно не было повода. Но внутри всё содрогалось. Медленно, глубоко, как здание при авиаударе, когда стены ещё стоят, но несущие конструкции уже сместились и никакой ремонт их не вернёт.

— Я подвёл тебя, — прошептал он. — Я подвёл.

Ветер донёс запах бензина с парковки. Где-то шумела

трасса. Люди жили своей жизнью. Ехали домой, думали об ужине, слушали радио. А Пол стоял у входа в здание трибунала и чувствовал, как из него вытекает то, что держало его все эти годы. Не честь. Она осталась, он был в этом уверен. Не долг. Долг он выполнил.

Желание доказать. Отцу, себе, всем этим людям в кабинетах с орхидеями. Желание быть достойным. Не просто жить, а быть достойным жизни, которую прожил перед ним Ричард Винстон.

Сигарета догорела до фильтра. Он затушил её о бетонный бордюр.

В кармане лежала визитка. Москва. Незнакомое имя.

«Позвоните, когда будет плохо».

Сейчас было плохо.

Он сжал визитку в кулаке. Не позвонил, ещё нет. Просто держал. Как держат якорь, когда ещё не решили, бросать или нет.

«Ты проиграл, — сказал он себе. — Здесь проиграл. Это факт. С этим не спорят... Но у тебя есть Элен. Ради неё — встань и иди»

Он встал. Пошёл к машине.

Форму снимет дома. Повесит на спинку стула. В последний раз.

Домой он вернулся затемно.

Свет в окнах горел. Пол постоял у двери. Дубовая, с ла-

тунной ручкой, которую сам менял два года назад. Помнил тот день: суббота, Элен крутилась под ногами, держала инструменты и спрашивала, зачем у молотка такая длинная ручка. Диана готовила на кухне, пахло жареным луком. Обычный день, каких было много и которых он никогда не ценил.

Он вошёл.

Диана сидела в гостиной на белом кожаном диване. Бокал красного вина на столике. Почти полный, едва отпитый. На лице маска спокойствия. Он знал: под ней ледяная ярость, которая не кричит и не плачет, а просто стоит и ждёт.

— Ты уже знаешь, — сказал Пол.

— Узнала два часа назад, — она сделала маленький глоток. — Позвонил помощник, сказал, что мой муж больше не майор.

— Гражданский теперь.

— Мне всё равно, как это называется.

Он сел в кресло напротив. Не снял форму. В ней он был ещё кем-то. Без неё — никем, и это «никем» начнётся уже завтра, зачем торопить.

— Диана. Я найду работу. Есть контакт, серьёзный. Детективное агентство, работа за рубежом. Платят хорошо.

— Где?

Пол помолчал секунду. Не потому что не знал ответа, а потому что знал, как она его встретит.

— В России.

Диана поставила бокал. Посмотрела на него. Долго. Так, как смотрят на человека, который только что сказал что-то совсем непоправимое.

— Ты хочешь уехать в Россию, — повторила она. Не вопрос. Констатация факта, произнесённая с тем особым ровным голосом, который страшнее крика.

— Хочу заработать. Платить по счетам. Ипотека, кредит за коттедж — это не исчезнет от того, что меня уволили.

— Элен нужен отец. Не деньги.

— Деньги тоже нужны. Ей нужна школа, врачи, всё остальное.

— Ей нужен отец, который здесь, — Диана встала, подошла к окну, начала смотреть в него. — Я не собираюсь растить её одна и объяснять, почему папа живёт в России.

— Я буду возвращаться. Часто.

— Это не работает так, — она не повернулась. — Я видела таких жён. Не хочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.